

УДК 32

Элиты на переходном этапе от СССР к новой России: характеристики и динамика

Антонов Евгений Николаевич

Соискатель кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 199178, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Васильевский остров, просп. Средний, 57/43, e-mail: 9042772@gmail.com

Гавра Дмитрий Петрович

Доктор социологических наук, профессор, завкафедрой связей с общественностью в бизнесе, Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет, 199004, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Васильевский остров, 1-я линия, 26; e-mail: d.gavra@spbu.ru

Аннотация

Статья посвящена вопросам изучения элитизма в России и интерпретации советской номенклатуры в процессе становления политической системы современной России. Рассмотрев отечественные и зарубежные наработки в области теории элит и контр-элит, автор остановился на исследовании феномена и роли культурно-образовательной элиты как функции для преодоления кризиса в переходные периоды политического устройства государства. Сделан вывод, что в советское время изучение теории элит не приветствовалось. Скорее обсуждались проблемы стирания классовых различий и формирования общенародного государства. За первое десятилетие становления новой политической системы России с конца 80-х до конца 90-х гг. изучение теории элит накопило большой пласт знаний: от интерпретации советской номенклатуры и партийной системы до кристаллизации нового типа элиты – интеллектуальной или культурно-образовательной, способной формировать либеральную политику страны. В процессе анализа становления и развития культурно-образовательной элиты в становлении современной политической системы России можно заключить, что роль интеллектуальной элиты повышается в момент нестабильности политической системы и необходимости поиска новых идей. Но как только появлялись признаки стабильности в целом, необходимость в конструировании новых идей и ценностей отпадала. В начале 2010-х гг. сформировался тренд к снижению степени вовлеченности интеллектуальной элиты в функционирование органов власти и, соответственно, снижение роли и влияния на принятие решений.

Для цитирования в научных исследованиях

Антонов Е.Н., Гавра Д.П. Элиты на переходном этапе от СССР к новой России: характеристики и динамика // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Том 8. № 2А. С. 51-64.

Ключевые слова

Элиты, власть, номенклатура, политическая система, культурно-образовательная элита.

Введение

Изучение элит традиционно составляет одно из классических предметных полей политической науки. В то же время следует отметить, что в советской общественной науке, где политология, так, как мы ее сегодня понимаем, была облачена в идеологически окрашенные одежды так называемого «научного коммунизма» проблемам элит и в частности, советской элиты специально не изучалось. В марксистско-ленинской парадигме развитого социализма скорее обсуждались проблемы стирания классовых различий и формирования общенародного государства, движущегося в сторону полного социального равенства. И в этом плане сама постановка даже академического вопроса о советских элитах не приветствовалась и полагалась диссидентским следованием оппортунистическим концепциям Восленского или Джиласа. При этом нормативная советская политологическая мысль в этом отношении расходилась с реальной эмпирической социологией.

Основная часть

Социологические проекты, реализованные в московском академическом ИСИ, ленинградском ИСЭП АН СССР, в Новосибирске под руководством Т.И. Заславской, показывали реальную стратификацию позднесоветского общества и явно фиксировали наличие элитных страт. Другое дело, что соответствующие научные отчеты и аналитические записки ложились на стол партийных комитетов и получали гриф «для служебного пользования». Соответственно они исключались из публичного научного оборота. Один из авторов настоящей статьи в 80-х годах прошлого века был участником таких проектов и хорошо помнит, как докладывались их результаты.

Эта ситуация изменилась во второй половине 80-х. Исследования элит и сама эта проблематика начала получать права гражданства. Значительная роль в этом принадлежит О. Крыштановской и ее коллегам. Начиная с конца 80-х и все первое десятилетие новой России элитистская проблематика становилась все более востребованной. К концу 1990-х в отечественной политологии и социологии изучение российской элиты накопило значительный массив теоретических и эмпирических исследований. Особенно можно выделить период, начиная с 1989 года, когда сама предметная область была институализирована: в институте Академии наук был создан сектор изучения элит. Первоначально внимание было сосредоточено на интерпретации советской номенклатуры и ротации советских чиновников в рамках нового государственного аппарата. Подобного рода исследования можно назвать историческими, поскольку их предметная область касалась, как правило, причин возникновения и динамики развития советской номенклатуры [Гимпельсон, 1998; Коржихина, 1993]. Если говорить о

популярных европейских концептах, то самой заметной работой в данной области можно назвать исследование М. Восленского, в основанной на подходах М. Джиласа [Джилас, 1961]. Согласно его представлениям, в СССР сформировался особый тип элиты – «новый класс». По мнению автора, представители «нового класса» имели монополию на политическую власть и обеспечивало это не какой-либо вид капитала, а сама позиция во властной иерархии, открывавшая им доступ к различным ресурсам.

М. Восленский предметом своего исследования определял генезис и динамику развития номенклатуры, в результате чего автор пришел к выводу, что советская элита всячески скрывала сам факт своего существования: «Новый класс», – заявляет автор, – идет в своей маскировке еще дальше: он скрывает самое свое существование» [Восленский, 1991]. Такое положение дел обуславливалось идеологически поддерживаемой стратификацией советского общества, делением его на две большие группы: занятых физическим и занятых умственным трудом.

Данный подход говорит нам о том, что номенклатура по Восленскому-Джиласу являлась частью интеллигенции с функцией управления. В ином русле размышляли советские социологи. В книге «Закономерности изменения социальной структуры общества при переходе к коммунизму» воспроизводится основополагающая социалистическая идея: «Неотъемлемой составной частью общества полного социального равенства, является задача стирания социальных граней между работниками физического и умственного труда» [Кугель, 1963]. Это положение обосновывается и в другой работе: «Структура советской интеллигенции». Там отмечается, что управление в значительной степени еще остается особым видом профессиональной деятельности интеллигенции, точнее, одного из ее отрядов. Обратим внимание читателя на знаковое слова «еще». Есть также важное для нашего исследования замечание: «Характер и общественная значимость управленческого труда ставят интеллигенцию, профессионально занимающуюся управлением, в несколько особое положение по отношению к тем, кто занят исполнительским трудом» [Структура..., 1970]. Несомненная заслуга М. Восленского заключается в том, что он сумел описать реальную социальную структуру советского общества и выделил номенклатуру в качестве отдельного сегмента, а также описал основные функции «нового класса»: контроль и управление, причем контроль номенклатуры распространялся и на культурную, и духовную сферы общества. Это дает нам право говорить о том, что члены данного класса представляли собой элиту в классическом ее понимании – они монополизировали управление, право распоряжения ресурсами, а также духовное производство – «духовную силу общества», поскольку они являлись создателями определенной системы ценностей. В составе номенклатуры, особенно в послевоенный период доминировали лица с высшим и далее с двумя высшими образованиями (профессиональным и партийно-политическим), что позволяет говорить о том, что в существенной мере советская культурно-образовательная элита была встроена в номенклатуру. Но, разумеется, не исчерпывалась ею.

При этом дальнейшие исследования российских ученых если и не опровергают данное утверждение, то, по крайней мере, нивелируют роль советской номенклатуры в поле символического производства. Так, Т. Коржихина и Ю. Фигатнер [Коржихина, 1993], анализируя историю советской номенклатуры, приводят интересные данные о социальном происхождении и образовании представителей «нового класса». Согласно их утверждениям в 1924 году, на первом этапе формирования правящего класса к власти приходят образованные люди, имевшие общее, техническое, юридическое и экономическое, гуманитарное и естественнонаучное образование. Через 15 лет ситуация кардинально изменилась – к власти

пришли новые люди, среди которых в 1,5 раза увеличилась доля необразованных, а доля интеллигенции уменьшилась практически вдвое. Можно сделать вывод, что постепенно на смену первому составу «правлящий элиты» по преимуществу выходцев из семей «разночинной» интеллигенции и квалифицированных рабочих пришли «...воспитанники семей неграмотных крестьян и неквалифицированных рабочих-маргиналов, люди с психологией покорности начальству и его «директивам», воспитанные в патриархальном укладе» [там же]. «Люди, – говоря словами Сталина, – умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные и умеющие проводить их в жизнь» [там же]. В данном случае оказывается утерянной основная функция культурно-образовательной элиты – создание идей и ценностей, поэтому и сам «правлящий класс» перестает быть культурно-образовательной элитой, а превращается в бюрократический аппарат. Под категорию «культурно-образовательная элита» попадают только лица, оказавшиеся у власти в самом начале становления советского государства. Они были теми, кто создавал ценности нового общества, внедрял их в сознание граждан. Такие люди оказались востребованы только на первоначальном этапе формирования новой системы, затем их место заняли «исполнители» и «менеджеры», если говорить современным языком.

Таким образом, можно сделать вывод, что время представителей культурно-образовательной элиты – это время перемен и трансформаций, когда нужны новые идеи и силы для строительства нового общества. Когда же структура общества и государства приходит в стабильное состояние, их место заменяют «бюрократы-исполнители». Тезисы такого рода мы также находим в статье «От номенклатуры к буржуазии: новые русские» В.Б. Пастухова [Пастухов, 1993]. Согласно его представлениям, революция неминуемо приводит к смене не только эпох, но и элит. При этом здесь необходимо заметить, что для автора термины «элита» и «номенклатура» являются синонимами только в том случае, когда принадлежность к номенклатуре означает «...занимать высокое положение в обществе, иметь привилегии, пользоваться всевозможными материальными благами» [там же]. Наверху, в раннесоветской системе, по мнению данного автора, как правило, оказываются «люди со сходной биографией. Чаще – выходцы из крестьянской среды, получившие высшее образование» [там же]. Данный процесс приводит к тому, что к середине 60-х годов номенклатура обособляется как отдельная социальная группа, то есть из «класса в себе» она превращается в «класс для себя», а господствующий принцип «элита есть функция власти» трактуется иначе: «власть есть функция элиты». И применительно к переходному периоду напрашивается вывод о наличии элитного потенциала именно у носителей культурного и символического капитала. Другими словами, переходный период требует того, чтобы в политику приходили личности, имеющие свой собственный символический капитал. Следует учесть исследование Института социологии РАН (сектор изучения элит) под руководством О. Крыштановской [Крыштановская, 1995], в котором анализируются этапы трансформации советской номенклатуры, а также выделяются характерные различия между «старой» номенклатурой и «новой» элитой. Автор выделила для исследования следующие функциональные группы элит: правительство, парламент, партийная элита, высшее руководство, региональная элита, бизнес-элита. Полученные результаты свидетельствуют о том, что бизнес элита являлась наиболее «обновленной» в России середины 90-х годов, поскольку доля лиц, не входивших ранее в номенклатуру, в данной элитной группе составляла 59%. Наименее же «обновленными» предстали региональная элита (17,7%), а также высшее руководство (25%). При этом автор отмечает ряд структурных изменений: «омоложение» правящего слоя, снижение доли выходцев из села, и самое важное – широкий

рекрутинг интеллектуалов и высокообразованных специалистов. Кроме того, О. Крыштановская представила новую модель двойной конвертации статуса прежней советской элиты (привилегированный политический статус обменен на позицию в экономическом поле и конвертирован обратно в постсоветский период на позицию в политическом пространстве). Все это дало возможность автору говорить о трансформации советской номенклатуры в постсоветскую олигархию, базирующуюся на тесном переплетении политического и экономического сегментов элиты [Крыштановская, 1996, 2004].

Интерпретация политической элиты как олигархии получила широкое отражение в работах ряда российских авторов 90-х годов [Мельвиль, 1999; Перегудов, Лапина, Семенов, 1999; Шевцова, 1999; Крыштановская, 2002; Зудин, 1999; Паппэ, 2000]. К подобному выводу приходит и в результате своих исследований региональных элит Н.В. Петров. По его мнению, в 90-е годы произошло размывание самого понятия элита [Петров, 1995], хотя значительных структурных изменений «верхнего эшелона» власти не произошло. В. Рукавишников характеризует ситуацию в высших эшелонах власти как «энергичную перегруппировку», т.е. умелом приспособлении бывшей номенклатуры к новым политическим и экономическим реалиям [Халман, Эстер, 1998].

По мнению этих авторов и их последователей, в результате своего развития партийная номенклатура разделилась на две части: партийную, господствовавшую в сфере идеологии, а также определявшую кадровую и хозяйственную политику и хозяйственную, состоявшую из людей, которые сосредоточили в своих руках материальные ресурсы. Именно эта часть, по мнению Мясникова О.Т., оказалась наиболее устойчивой и выдержала удары времени [Мясников, 1993].

Он же попытался рассмотреть политическую элиту после 1991 года - и выделил ее основные, по его мнению, части:

1. интеллигенцию;
2. искренних приверженцев демократическим ценностям;
3. людей, пострадавших от старого режима;
4. некоторых «интеллектуалов» из партийной элиты;
5. демократически ориентированных представителей хозяйственной элиты;
6. прагматиков из всех звеньев властных и управленческих структур, для которых самое главное «служить»;
7. аутсайдеров-карьеристов.

Сопоставив вышеприведенный состав правящей элиты с политической элитой конца 90-х, автор пришел к выводу, что «хозяйственная» часть прежней номенклатуры к концу ельцинского, по существу, переходного периода по-прежнему занимала ведущее положение во властной иерархии России, и можно было говорить лишь о кристаллизации новой элиты в недрах старой. Что же касается интеллектуальной элиты, то здесь сформировалась совершенно иная ситуация. Как только возникла некоторая стабильность политической системы в целом, необходимость в конструировании новых идей и ценностей отпала. И, как следствие этого, уже к середине 90-х начал формироваться тренд к уменьшению необходимости в работе интеллектуальной элиты в органах власти.

Подобный взгляд на роль интеллектуальной элиты в обществе мы находим в работах Г. Лапиной [Лапина, 2000]. Рассматривая Государственную Думу III созыва с точки зрения анализа ее профессиональной структуры, она приходит к выводу, что «правлящая элита» подверглась не значимым структурным перестройкам, а всего лишь небольшим

трансформациям. Она делает вывод, что номенклатурная элитная группа по-прежнему была представлена в Государственной Думе, поскольку среди депутатов шесть бывших премьер-министров СССР и России (Н. Рыжков, Е. Гайдар, В. Черномырдин, С. Кириенко, Е. Примаков, С. Степашин). Кроме того, в парламенте были представлены профессиональные управленцы советских времен (зам. Председателя Совета министров СССР, председатель Госплана СССР Юрий Маслюков; первый зам. министра внутренних дел СССР Борис Громов, первый заместитель министра обороны СССР Виктор Куликов, министр культуры СССР Николай Губенко и министр промышленности СССР Николай Ольшанский).

В контексте рассмотрения особого компонента постсоветской элиты – ее сегмента, связанного со сферой культуры и образования, особенный интерес представляют данные о количестве депутатов, имеющих в соответствующих составах Государственной Думы ученые степени. Так, среди депутатского корпуса 63 депутата имели степень кандидата наук (21 – экономических наук; 8 – юридических; 8 – философских). 38 докторов наук (10 – экономических; 8 – юридических; 4 – исторических; 2 – философских). Кроме того, в Думе были 15 академиков. Но, несмотря на такую большую численность, все же, по мнению автора, группа из представителей научного мира не занимала лидирующего положения, хотя можно было отметить несомненную тенденцию к самоорганизации внутри интеллигенции. При Государственной Думе или рядом с ней появились всевозможные научные центры и институты: Центр стратегического развития; Национальный общественно-научный фонд; Международный институт корпораций; Союз наукоградов России; Информационно-аналитический центр «Новоком»; Донской центр политических технологий и т.д. Все это свидетельствовало о попытках консолидации интеллектуалов во власти.

Куколев И.В., исследуя политические элиты в России, ставил главный вопрос о том, изменились ли существовавшие ранее элитные группы, как возникли и что из себя представляют новые? Он отмечает, что все многообразие подходов и концепций, пытающихся объяснить этот переход от «старых» элит к «новым», не выходит за две границы [Куколев, 2007]. Иную, альтернативную, точку зрения на структуру российского общества и объяснения недемократического характера элит предлагает М. Афанасьев. Центром исследовательской концепции данного автора является изучение клиентелизма в России. Автор использует данный подход для интерпретации отношений между элитой и массой, а также анализа механизма управления со стороны элиты и механизма адаптации со стороны массы [Афанасьев, 2000]. Подтверждая свой тезис о существовании патронажно-клиентелистских связей, пронизывающих всю советскую систему, Афанасьев приводит данные опроса слушателей Российской Академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) 1996 года [Афанасьев, 1996]. Одна из целей этого исследования заключалась в определении факторов, влияющих на продвижение по службе. Согласно этим данным, в большой степени на продвижение по служебной лестнице влиял фактор личной преданности и покровительства (45%); абсолютно не оказывали никакого влияния на данный процесс идеологические убеждения (45%); 56% от этого же числа полагали, что на данный процесс влияет исполнительность, и 49% называли фактор повышения квалификации, который отчасти нивелируется тем, что 31% слушателей полагают, что учеба и повышение квалификации никак на данный процесс не влияют.

Е.В. Охотский связывает успешность карьеры в рамках бюрократического аппарата России 90-х с «нужными» связями и знакомствами. «В отличие от Запада, – пишет он, – где стартовые возможности и стратегия политической социализации во многом определяется социальным

происхождением человека, его принадлежностью к влиятельной партии и «сильным» индивидуальным психологическим складом, в российских условиях место этих двух факторов занимают связи с предшествующей номенклатурной элитой, умением человека устанавливать «деловые отношения» с нужными людьми» [Охотский, 1998]. В результате этих обстоятельств в 90-е годы, по мнению этого автора, в России сложился правящий класс, обладающий очень небольшим культурным капиталом. Примерно треть первых руководителей страны не имели базового образования в сфере государственного управления. А среди первых государственных служащих лишь 40% имели послевузовскую подготовку. По данным Охотского, 70% из всего состава правящего слоя оценивались, как люди среднего культурного уровня. 55% проявляли интерес к проблемам культуры. Практически каждый второй идентифицировал себя с технократами. «В интеллектуальном отношении такую элиту и ее окружение характеризуют отчужденность от культуры, отсутствие интеллигентности» [Охотский, 1993]. В 90-е годы понятие «молодые технократы», вышедшие из «кадрового резерва», широко применялось при формировании губернаторского корпуса и высшего руководства федеральных органов исполнительной власти. Чаще всего, это просто чиновник моложе 50 лет без особого «управленческого прошлого» вне политической системы. Анализу региональных элит посвящена значительная доля исследований 90-х годов. Как правило, в центре подобных исследований находится проблема преемственности и изменчивости региональных элит [Заславская, Арутюнян, 1994; Микульский, 1995] и др.

Трансформационная модель перехода к демократии была детально разработана в 1980-х годах американскими политологами, среди которых необходимо назвать Дж. Хигли, Й. Шумпетера, Л. Филда, С. Келлера, М. Бартона, Р. Гантнера, Д. Растоу. [Higley, Burton, 2006; Schumpeter, 1942; Field, Higley, 1980; Keller, 1968; Higley, Gunther, 1992; Растоу, 1996] Несколько позднее под руководством Дж. Хигли была разработана типология политических элит и соответствующих им политических режимов. В зависимости от конфигурации элитной структуры выделили три идеальных типа элит: «разъединенная» элита; «консенсусно-единая элита»; «идеологически единая элита». Все эти концепции были взяты на вооружение российскими политологами, которые попытались описать трансформационные процессы в России, используя транзитологические категории и модели. В качестве примера можно привести несколько исследований региональных элит, проведенных в Санкт-Петербурге под руководством А. Дуки, Саратовской области, инициированное П. Штыковым, Ростове-на-Дону под руководством А.М. Старостина [Дука, 1995; Ачкасова, Дука, 1997; Stykov, 1995; Старостин, 2004]. Все это говорит о том, что в отечественной элитологии 90-х годов господствовала точка зрения, заключающаяся в том, что в России за последние годы не сложилось условий, характерных для иных, неканонических моделей политического транзита.

Мы отмечали выше, что российские ученые не уделяли особого внимания изучению места и роли культурно-образовательной элиты в современных политических процессах. Однако существуют и эмпирические проекты, в которых культурно-образовательная элита представляет собой необходимый структурный элемент. В данной связи определенный интерес представляет исследование О. Гаман-Голутвиной [Гаман-Голутвина, 1998, 2000, 2012]. Это первое исследование в России, где детально проработаны такие проблемы, как: «внутренняя структура российских политических элит, природа детерминации российской модели элитообразования, особенности внутриэлитных отношений в системе элита – контр-элита. Автор убедительно доказывает, что на протяжении всей политической динамики России, их всех объединяет одна черта – системообразующий принцип. Однако в рамках данной работы

особый интерес представляет исследование контр-элит. В качестве таковой автор называет интеллигенцию, усилия которой были направлены на искусственное ускорение политических процессов.

В этом ключе Гаман-Голутвина употребляет не очень операциональное, но укоренившееся в советской и ранней постсоветской политической науке категорию интеллигенции. Российская интеллигенция 90-х годов делится автором на группы, которые придерживаются разных идей. Первая группа в 90-е годы традиционно призвала продолжить либеральные реформы, расширить права человека и гражданина, теряя от этого свой авторитет и получая за это недоверие народа. Вторая группа слилась с властными элитами и работала на укрепление политического режима. Сюда можно отнести многих популярных деятелей культуры и шоу-бизнеса. Третья группа интеллигенции завязана на бизнес, а четвертая группа не призывает к политическим изменениям, а замкнулась на выживании в новых рыночных условиях [Свиридов, 2011]. Естественная контр-элита (классическая предреволюционная интеллигенция) при этом в рамках данной концепции отошла на второй план сразу же после революции 1917 года, когда советская система стала приходить в стабильное состояние. То есть, выполнив свою функцию – разрушив старый порядок, она стала не нужна и заняла свое прежнее место – место контр-элиты, перейдя в оппозицию к новой правящей элите. В свою очередь, место контр-элиты заняла номенклатура, основанием для формирования которой послужили созданные в первые годы прихода большевиков к власти Советы [Шматко, 1996]. Ю.Г. Коргунюк в этой связи отмечает, что контр-элита в России начала формироваться в 1870-х годах посредством создания нелегальных партий, социальная база которых состояла преимущественно из интеллигенции [Коргунюк, 2001].

Таким образом, контр-элита, формирующаяся параллельно с правящей элитой, явственно обнаруживает свое существование в переломные моменты в жизни общества и, как правило, является зачинщиком и лидером всех новообразований. С подобной точкой зрения высказывают согласие также известные российские политологи 90-х годов А. Фадин, И. Бунин, Ю. Марков, А. Соломин. «Параллельно с эволюцией правящей элиты, – заявляют они, – социокультурные процессы формировали в недрах и на периферии господствующего класса контр-элиты, готовую вступить в борьбу за долю в системе власти. Именно этот, по сути, естественноисторический процесс и привел к практически бескровной смене режимов в Центральной и Восточной Европе» [Фадин и др., 1991; Фадин, 1996].

Исследователь процессов элитобразования в постсоветской России В.В. Разуваев отмечал важные для понимания темы аспекты: «...Практика неожиданных изменений, – утверждает он, – показывает, что в российскую элиту рекрутируются лица по совершенно различным признакам. Общее у них одно: своим возвышением они обязаны какому-то ближайшему сотруднику президента и связывают свое политическое будущее, как с этим государственным чиновником, так и с самим Ельциным» [Разуваев, 1995]. Автор выделял три части политической элиты: «дьяки», работающие в президентской администрации; «бояре» – чиновники высшего ранга; «писцы» – интеллигенция. Ни одна администрация, по мнению автора, не имела такого количества штатных «писцов», как администрация Ельцина. Их приход во власть был обусловлен необходимостью притока свежих идей. Однако постепенно количество возложенных на них обязанностей уменьшалось и вместо серьезной аналитической работы, они были вынуждены готовить выступления руководителям страны, а также заниматься установлением коммуникации со СМИ. При президентстве В. Путина повторился тот же самый сценарий. С окончанием первого этапа становления правительства В. Путина, отпала

необходимость в разработке новых идей. Государственная структура пришла в стабильное состояние, а место «творцов» заняли бюрократы, способные поддерживать из дня в день работоспособность административной машины.

В целом проблема отношений интеллектуалов и власть имущих не является новой в политической науке: Миллс, Кэттел, Древал и т.д. [Миллс, 1959; Горбовский, 1983]. Дж. Келли называл ученых «вторичными агентами власти» [Kelly, 1977]. А вот А.С. Макарычев делает упор на активной роли культурно-образовательной элиты в современных политических процессах России. Он предлагает рассматривать исследуемую проблему сквозь призму «теории групп» [Макарычев, 1997].

Многие ученые считают, особая честь элиты, ее идеологическое ядро «властители дум» оказываются востребованными только в определенное время – время трансформаций и всевозможных перемен в жизни общества. Они относят неудачи интеллектуалов, к их ментальной неспособности к административной рутине, что не дает им возможности в стабильные периоды после периодов перемен длительно занимать лидирующие позиции в политическом пространстве [Кугель, 1994; Боркин, 1998]. Отсюда и такой «незначительный вес» научной, культурной и образовательной элиты в политических кругах после наступления стабилизации. В итоге, «происходит соединение властного и меритократического подходов» к анализу научной элиты. Из этого можно сделать вывод, что время представителей культурно-образовательной элиты – это время перемен и трансформаций.

Заключение

Таким образом, рассмотрев формирование элит на переходном этапе от СССР к новой России, мы пришли к выводу, что в советское время изучение теории элит не приветствовалось. Скорее обсуждались проблемы стирания классовых различий и формирования общенародного государства. За первое десятилетие становления новой политической системы России с конца 80-х до конца 90-х гг. изучение теории элит накопило большой пласт знаний: от интерпретации советской номенклатуры и партийной системы до кристаллизации нового типа элиты – интеллектуальной или культурно-образовательной, способной формировать либеральную политику страны.

В процессе анализа становления и развития культурно-образовательной элиты в становлении современной политической системы России мы пришли к выводу, что роль интеллектуальной элиты повышается в момент нестабильности политической системы и необходимости поиска новых идей. Но как только появлялись признаки стабильности в целом, необходимость в конструировании новых идей и ценностей отпадала. В начале 2010-х г.г. сформироваться тренд к снижению степени вовлеченности интеллектуальной элиты в функционирование органов власти и, соответственно, снижение роли и влияния на принятие решений.

Библиография

1. Афанасьев М. Клиентелизм и российская государственность. М., 2000. 318 с.
2. Афанасьев М.Н. Правящая элита России: образ деятельности // Мировая экономика и международные отношения. 1996. №4. С. 46-56.
3. Ачкасова В., Дука А. Конфликты и компромиссы в структурах региональной политической элиты: типология противоборства (СПб в период трансформации системы // Северная Пальмира. 1997. №9. С. 42-51.
4. Боркин Л. Научная элита России: идентификация и трансформация // Социальные и политические ориентации

- Санкт-Петербургской элиты. СПб, 1998. С. 161-190.
5. Восленский М. «Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. 665 с.
  6. Гаман-Голутвина О.В. Политическая элита – определение основных понятий // Полис. 2000. № 3. URL: <https://www.politstudies.ru/article/2745>
  7. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты в России: веки исторической эволюции. М., 1998. 480 с.
  8. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке. М.: Росспэн, 2012. С. 38-73.
  9. Гимпельсон Е. Советские управленцы 1917-1920 гг. М., 1998. 258 с.
  10. Головачев В., Косова Л. Ценностные ориентации советских и постсоветских элит // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М., 1994. 496 с.
  11. Джилас М. Новый класс. М.: Политика, 1961. 246 с.
  12. Дука А.В. Формирование постсоветской региональной элиты и ее роль в становлении институтов частной собственности и предпринимательства // Мир России. 1995. Т. IV. №2. С. 106-117.
  13. Ершова Н. Трансформация правящей элиты в условиях социального перелома // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М., 1994. 496 с.
  14. Зудин А. «Олигархия» как политическая проблема российского посткоммунизма // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 45-65.
  15. Коргунюк Ю.Г. Политическая элита современной России с точки зрения социального представительства // Полис. 2001. №1. С. 30-48.
  16. Коржихина Т. Советское государство и его учреждения. М., 1995. 418 с.
  17. Коржихина Т., Фигатнер Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. №7. С. 25-38.
  18. Крыштановская О.В. Бизнес-элита и олигархи: итоги десятилетия // Мир России. 2002. №4. С. 3-60.
  19. Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. №1. С. 51-65.
  20. Крыштановская О. Финансовая олигархия в России // Известия. 1996. 10 января.
  21. Крыштановская О.В. Современные концепции политической элиты и российская практика // Мир России. 2004. Т. XIII. № 4. С. 3-39.
  22. Кугель С.А. Закономерности изменения социальной структуры общества при переходе к коммунизму. М., 1963. 134 с.
  23. Кугель С.А. Интеллектуальная элита: структура и функции // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. СПб., 1994. Часть 2. Книга 1. 234 с.
  24. Куколев И.В. Трансформация политических элит в России. М., 2007. 128 с.
  25. Кэттел Р.Б., Древал Д.Е. Личные качества ученых исследователей, преподавателей и администраторов в сравнении с теми же качествами представителей населения // Горбовский А.А. Личность ученого: социально-психологический портрет. М., 1983. 145 с.
  26. Лапина Г.П. Реструктуризация российского общества и расстановка политических сил // Российский соц.-полит. вестник. 2000. № 1. С. 2-6.
  27. Макарычев А.С. Ученые и политическая власть // Полис. 1997. №3. С. 89.
  28. Мельвиль А. Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе. М., 1999. 321 с.
  29. Миккульский К. и др. Элита России о настоящем и будущем страны. М., 1995. 49 с.
  30. Миллис Р. Властвующая элита. М., 1959. 844 с.
  31. Мясников О.Т. Смена правящих элит: «консолидация» или «вечная схватка» // Полис. 1993. №1. С. 53.
  32. Охотский Е.В. Государственная кадровая политика и механизм ее реализации. М., 1998. 281 с.
  33. Охотский Е.В. Политическая элита. М.: Луч, 1993. 134 с.
  34. Паппэ Я.Ш. «Олигархи». Экономическая хроника 1999-2000. М.: 2000. 33 с.
  35. Пастухов В.Б. От номенклатуры к буржуазии: новые русские // Полис. 1993. №2. С. 49.
  36. Перегудов С., Лапина Н., Семенов И. Группы интересов и российское государство. М., 1999. 352 с.
  37. Петров Н.В. Политические элиты в центре и на местах // Российский монитор: архив современной политики. 1995. №5. С. 94.
  38. Разуваев В.В. Власть в России: бюрократическое измерение // Кентавр. 1995. № 4. С. 76.
  39. Растоу Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. № 5. С. 5-15.
  40. Свиридов В.П. Политическая роль интеллигенции в условиях трансформации российского общества: дис. ... канд. полит. наук. М., 2011. 140 с.
  41. Старостин А.М. Властные элиты современной России в процессе политической трансформации. Ростов-на-Дону, 2004. 689 с.
  42. Структура советской интеллигенции. Минск, 1970. 432 с.
  43. Фадин А. Общественное согласие в целом достигнуто // НГ-сценарии. 1996. № 4. С. 20-25.
  44. Фадин А. и др. Кто правил – и кто будет править в СССР // Век XX и мир. 1991. №5. С. 5-9.

45. Фортескью С. Правит ли Россией олигархия? // Полис. 2002. №5. С. 43-45.
46. Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. М., 1998. 368 с.
47. Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. М., 1999. 535 с.
48. Шматко Н.А. Конверсия бюрократического капитала в постсоветской России. 1996. URL: <http://sociologos.net/shmatko-konversia-burokraticheskogo-kapitala>
49. Field G.L., Higley J. Elitism. L, 1980.
50. Higley J., Burton M. Elite Foundations of Liberal Democracy. Boulder, Colo., USA and Plymouth, U.K., 2006. 238 p.
51. Higley J., Gunther R. Preface Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe. Cambridge, 1992.
52. Keller S. Beyond the ruling class: Strategic elites in modern society. N.Y., 1968. 380 p.
53. Schumpeter J.A. Capitalism, Socialism, and Democracy. New York, 1942. 382 p.
54. Stykow P. Elite Transformation in the Saratov Region: From Hierarchical Rule of a Monolithic Power Elite to Strategic Interactions of Sectoral Elites. Berlin. 1995.

Elites in the transition from the USSR to the new Russia: characteristics and dynamics

Evgenii N. Antonov

Applicant,
Department of public and municipal administration
North-West Institute of Management (branch),
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
199178, 57/43, Srednii av., Vasilyevsky Island, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: 9042772@gmail.com

Dmitrii P. Gavra

Doctor of Sociology, Professor,
Head of Department of Public Relations in Business,
Graduate School of Journalism and Mass Communications,
Saint Petersburg State University,
199004, 26, 1st line, Vasilyevsky Island, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: d.gavra@spbu.ru

Abstract

The article is devoted to the study of elitism in Russia and the interpretation of the Soviet nomenclature in the process of the formation of the political system of modern Russia. It was concluded that in Soviet times, the study of the theory of elites was not welcomed. Rather, the problems of erasing class differences and the formation of a nation-wide state were discussed. For the first decade of the formation of the new political system of Russia from the late 80s to the late 90s. the study of the theory of elites has accumulated a large body of knowledge: from the interpretation of the Soviet nomenclature and the party system to the crystallization of a new type of elite, intellectual or cultural-educational, capable of shaping the country's liberal policy. In the process of analyzing the formation and development of the cultural and educational elite in the development of the modern political system of Russia, it can be concluded that the role of the intellectual elite is increasing at the moment of instability of the political system and the need to find

new ideas. But as soon as signs of stability appeared as a whole, the need to construct new ideas and values fell away. In the early 2010s, a tendency has emerged to reduce the degree of involvement of the intellectual elite in the functioning of government bodies and, accordingly, a decrease in the role and influence on decision-making.

For citation

Antonov E.N., Gavra D.P. (2019) Elity na perekhodnom etape ot SSSR k novoi Rossii: kharakteristiki i dinamika [Elites in the transition from the USSR to the new Russia: characteristics and dynamics]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 8 (2A), pp. 51-64.

Keywords

Elites, power, nomenclature, political system, cultural and educational elite.

References

1. Achkasova V., Duka A. (1997) Konflikty i kompromissy v strukturakh regional'noi politicheskoi elity: tipologiya protivoborstva (SPb v period transformatsii sistemy [Conflicts and compromises in the structures of the regional political elite: a typology of confrontation (St. Petersburg during the transformation of the system)]. *Severnaya Pal'mira* [Northern Palmira], 9, pp. 42-51.
2. Afanas'ev M. (2000) *Klientelizm i rossiiskaya gosudarstvennost'* [Clientelism and Russian statehood]. Moscow.
3. Afanas'ev M.N. (1996) Pravyashchaya elita Rossii: obraz deyatelnosti [Russia's ruling elite: an image of activity]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], 4, pp. 46-56.
4. Borkin L. (1998) Nauchnaya elita Rossii: identifikatsiya i transformatsiya [Russia's Scientific Elite: Identification and Transformation]. In: *Sotsial'nye i politicheskie orientatsii Sankt-Peterburgskoi elity* [Social and Political Orientations of the St. Petersburg Elite]. St. Petersburg.
5. Duka A.V. (1995) Formirovanie postsovetckoi regional'noi elity i ee rol' v stanovlenii institutov chastnoi sobstvennosti i predprinimatel'stva [Formation of the post-Soviet regional elite and its role in the development of institutions of private property and entrepreneurship]. *Mir Rossii* [World of Russia], IV, 2, pp. 106-117.
6. Ershova N. (1994) Transformatsiya pravyashchei elity v usloviyakh sotsial'nogo pereloma [Transformation of the ruling elite in the conditions of a social change]. In: *Kuda idet Rossiya? Al'ternativy obshchestvennogo razvitiya* [Where is Russia going? Alternatives to social development]. Moscow.
7. Fadin A. (1996) Obshchestvennoe soglasie v tselom dostignuto [Public agreement as a whole has been achieved]. *NG-stsenarii* [NG-scenarios], 4, pp. 20-25.
8. Fadin A. et al. (1991) Kto pravil – i kto budet pravit' v SSSR [Who ruled and who will rule in the USSR]. *Vek XX i mir* [Century XX and the World], 5, pp. 5-9.
9. Field G.L., Higley J. (1980) *Elitism*. London.
10. Fortescue S. (2002) Pravit li Rossiei oligarkhiya? [Is oligarchy ruling Russia?]. *Polis*, 5, pp. 43-45.
11. Gaman-Golutvina O.V. (2000) Politicheskaya elita – opredelenie osnovnykh ponyatii [Political elite: the definition of basic concepts]. *Polis*, 3. Available at: <https://www.politstudies.ru/article/2745> [Accessed 02/02/2019]
12. Gaman-Golutvina O.V. (1998) *Politicheskie elity v Rossii: vekhi istoricheskoi evolyutsii* [Political elites in Russia: milestones of historical evolution]. Moscow.
13. Gaman-Golutvina O.V. (2012) *Politicheskie elity kak ob'ekt issledovaniy v otechestvennoi politicheskoi nauke* [Political elites as an object of research in domestic political science]. Moscow: Rosspen Publ.
14. Gilas M. (1961) *Novyi klass* [New class]. Moscow: Politika Publ.
15. Gimpel'son E. (1998) *Sovetskie upravlyentsy 1917-1920 gg.* [Soviet Managers 1917-1920]. Moscow.
16. Golovachev V., Kosova L. (1994) Tsenostnye orientatsii sovetskikh i postsovetckikh elit [Valuable orientations of the Soviet and post-Soviet elites]. In: *Kuda idet Rossiya? Al'ternativy obshchestvennogo razvitiya* [Where is Russia going? Alternatives to social development]. Moscow.
17. Halman L., Ester P. (1998) *Politicheskie kul'tury i sotsial'nye izmeneniya* [Political cultures and social changes]. Moscow.
18. Higley J., Burton M. (2006) *Elite Foundations of Liberal Democracy*. Boulder, Colo., USA and Plymouth, U.K.
19. Higley J., Gunther R. (1992) *Preface Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe*. Cambridge.
20. Kattel R.B., Drevdal D.E. (1983) Lichnye kachestva uchennykh issledovatelei, prepodavatelei i administratorov v

- sравnenii s temi zhe kachestvami predstavitelei naseleniya [Personal qualities of scientific researchers, teachers and administrators in comparison with the same qualities of representatives of the population]. In: Gorbovskii A.A. *Lichnost' uchenogo: sotsial'no-psikhologicheskii portret* [Personality of a scientist: a socio-psychological portrait]. Moscow.
21. Keller S. (1968) *Beyond the ruling class: Strategic elites in modern society*. N.Y.
  22. Korgunyuk Yu.G. (2001) Politicheskaya elita sovremennoi Rossii s tochki zreniya sotsial'nogo predstavitel'stva [The political elite of modern Russia from the point of view of social representation]. *Polis*, 1, pp. 30-48.
  23. Korzhikhina T. (1995) *Sovetskoe gosudarstvo i ego uchrezhdeniya* [The Soviet state and its institutions]. Moscow.
  24. Korzhikhina T., Figatner Yu. (1993) Sovetskaya nomenklatura: stanovlenie, mekhanizmy deistviya [Soviet nomenclature: formation, mechanisms of action]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 7, pp. 25-38.
  25. Kryshstanovskaya O.V. (2002) Biznes-elita i oligarkhi: itogi desyatiletia [Business elite and oligarchs: the results of the decade]. *Mir Rossii* [World of Russia], 4, pp. 3-60.
  26. Kryshstanovskaya O. (1996) Finansovaya oligarkhiya v Rossii [Financial oligarchy in Russia]. *Izvestiya* [News], 10th Jan.
  27. Kryshstanovskaya O. (1995) Transformatsiya staroi nomenklatury v novuyu rossiiskuyu elitu [Transformation of the old nomenclature into the new Russian elite]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 1, pp. 51-65.
  28. Kryshstanovskaya O.V. (2004) Sovremennye kontseptsii politicheskoi elity i rossiiskaya praktika [Modern concepts of political elite and Russian practice]. *Mir Rossii* [World of Russia], XIII, 4, pp. 3-39.
  29. Kugel' S.A. (1994) Intellektual'naya elita: struktura i funktsii [Intellectual elite: structure and functions]. In: *Intellektual'naya elita Sankt-Peterburga* [Intellectual elite of St. Petersburg]. St. Petersburg. Part 2. Book 1.
  30. Kugel' S.A. (1963) *Zakonomernosti izmeneniya sotsial'noi struktury obshchestva pri perekhode k kommunizmu* [Patterns of change in the social structure of society during the transition to communism]. Moscow.
  31. Kukolev I.V. (2007) *Transformatsiya politicheskikh elit v Rossii* [The transformation of political elites in Russia]. Moscow.
  32. Lapina G.P. (2000) Restrukturizatsiya rossiiskogo obshchestva i rasstanovka politicheskikh sil [Restructuring of Russian society and the alignment of political forces]. *Rossiiskii sots.-polit. vestnik* [Russian Social-Political herald], 1, pp. 2-6.
  33. Makarychev A.S. (1997) Uchenye i politicheskaya vlast' [Scientists and political power]. *Polis*, 3, p. 89.
  34. Mel'vil' A. (1999) *Transformatsiya rossiiskikh regional'nykh elit v sravnitel'noi perspective* [Transformation of the Russian regional elites in a comparative perspective]. Moscow.
  35. Mikul'skii K. et al. (1995) *Elita Rossii o nastoyashchem i budushchem strany* [Elite of Russia about the present and the future of the country]. Moscow.
  36. Mills R. (1959) *Vlastvuyushchaya elita* [Mainstream Elite]. Moscow.
  37. Myasnikov O.T. (1993) Smena pravlyashchikh elit: «konsolidatsiya» ili «vechnaya skhvatka» [Change of ruling elites: “consolidation” or “eternal struggle”]. *Polis*, 1, p. 53.
  38. Okhotskii E.V. (1998) *Gosudarstvennaya kadrovaya politika i mekhanizm ee realizatsii* [State personnel policy and mechanism for its implementation]. Moscow.
  39. Okhotskii E.V. (1993) *Politicheskaya elita* [Political elite]. Moscow: Luch Publ.
  40. Pape Ya.Sh. (2000) «Oligarkhi». *Ekonomicheskaya khronika 1999-2000* [Oligarchs. Economic Chronicle of 1999-2000]. Moscow.
  41. Pastukhov V.B. (1993) Ot nomenklatury k burzhuazii: novye russkie [From the nomenclature to the bourgeoisie: the new Russians]. *Polis*, 2, p. 49.
  42. Peregodov S., Lapina N., Semenenko I. (1999) *Gruppy interesov i rossiiskoe gosudarstvo* [Interest Groups and the Russian State]. Moscow.
  43. Petrov N.V. (1995) Politicheskie elity v tsentre i na mestakh [Political elites in the center and in the field]. *Rossiiskii monitor: arkhiv sovremennoi politiki* [Russian monitor: archive of modern politics], 5, p. 94.
  44. Rastou D.A. (1996) Perekhody k demokratii: popytka dinamicheskoi modeli [Transitions to democracy: an attempt at a dynamic model]. *Polis*, 5, pp. 5-15.
  45. Razuvaev V.V. (1995) Vlast' v Rossii: byurokraticheskoe izmerenie [Power in Russia: bureaucratic dimension]. *Kentavr* [Centaur], 4, p. 76.
  46. Schumpeter J.A. (1942) *Capitalism, Socialism, and Democracy*. New York.
  47. Shevtsova L. (1999) *Rezhim Borisa El'tsina* [The regime of Boris Yeltsin]. Moscow.
  48. Shmatko N.A. (1996) *Konversiya byurokraticheskogo kapitala v postsovetskoi Rossii* [Conversion of bureaucratic capital in post-Soviet Russia]. Available at: <http://sociologos.net/shmatko-konversia-burokraticheskogo-kapitala> [Accessed 02/02/2019]
  49. Starostin A.M. (2004) *Vlastnye elity sovremennoi Rossii v protsesse politicheskoi transformatsii* [Power elites of modern Russia in the process of political transformation]. Rostov-on-Don.
  50. (1970) *Struktura sovetskoi intelligentsia* [The structure of the Soviet intelligentsia]. Minsk.
  51. Stykow P. (1995) *Elite Transformation in the Saratov Region: From Hierarchical Rule of a Monolithic Power Elite to*

Strategic Interactions of Sectoral Elites. Berlin.

52. Sviridov V.P. (2011) *Politicheskaya rol' intelligentsii v usloviyakh transformatsii rossiiskogo obshchestva*. *Doct. Dis.* [The political role of the intelligentsia in the transformation of Russian society. Doct. Dis.]. Moscow.
53. Voslenskii M. (1991) «*Nomenklatura: Gospodstvuyushchii klass Sovetskogo Soyuza*» [Nomenclature: The ruling class of the Soviet Union]. Moscow.
54. Zudin A. (1999) «Oligarkhiya» kak politicheskaya problema rossiiskogo postkommunizma [“Oligarchy” as a political problem of Russian post-communism]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 1, pp. 45-65.